

На следующее утро, когда Линь Ло открыл глаза, в укрытии семьи А-Да уже никого не было. Протерев глаза, он поднялся, плотнее обернул вокруг тела тяжёлую шкуру, крепко обвязал её кожаной бечёвкой, чтобы ледяной ветер не пробрал до костей, и лишь затем отодвинул шкуру, занавешивавшую вход.

Солнце едва показалось над горизонтом — багровый, сияющий диск, похожий на варёную очищенную тыкву.

Неподалёку полыхало с десятков факелов, оттуда же доносился раскатистый гул мужских голосов.

Едва Линь Ло собрался вылезти наружу, как к нему подошёл Сяо Шу:

— Ло, пойдём со мной на собирательство, — предложил он. — Охотники расчистят дорогу впереди, а мы пойдём сзади. Хищники туда пробраться не должны.

Хотя в этом мире уже существовали города и Храм Бога-Зверя, сам племенной оплот, где оказался Линь Ло, то ли из-за своей малочисленности, то ли по иным причинам, перебивался с хлеба на воду. Главным источником пропитания оставалась добыча оборотней. То же, что удавалось наскрести полуоборотням, обычно ходило только в их собственной среде. Сами же оборотни растительную пищу за еду не считали — их рацион состоял исключительно из мяса.

— Хорошо, — кивнул Линь Ло, вернувшись в укрытие за кожаным мешком. Выбравшись наружу, он спросил: — Твой отец и Юн тоже среди охотников?

— Да, — откликнулся Сяо Шу, шагая впереди и ведя его к месту сбора полуоборотней, позади отряда. — Вождь сказал, что сегодня на нужды племени заберут только две туши колючих петухов, а всю остальную добычу можно оставить себе. Вот каждый и рвётся на промысел.

В племени Линь Ло невольно притягивал взгляды. Все знали, что А-Да и Чан привели в укрытие чистокровного человека, и теперь с любопытством разглядывали чужака. Он казался невероятно хрупким и низкорослым — немогшее даже их детёнышей. Но пуще всего сородичей поражала его кожа: белая, точно звериное молоко, она выдавала в нём существо более нежное, чем новорождённый загрыбш.

Линь Ло старался не замечать чужих взоров. Его внимание приковала вереница исполинских зверей во главе отряда: тигры, львы, леопарды, быки, кони и даже мелочь вроде белок да лисиц. Чан, признанный мастер охоты, возвышался в авангарде; его туша, сродни большегрузному самосвалу, всякий раз заставляла Линь Ло изумлённо замирать. Юн держался метрах в десяти позади отца — молодым оборотням ещё только предстояло закалять воинскую хватку в настоящих стычках.

Несколько десятков оборотней составляли хребет племени. От их добычи и первобытной мощи, отпугивавшей хищников от стоянки, напрямую зависело само выживание общины.

Лес огласили громогласный рёв и птичий клёкот. Сяо Шу азартно схватил Линь Ло за рукав:

— Пошли! Оборотни выдвигаются!

Стоило ему отчеканить эти слова, как звериная лавина рванула в заснеженную чашу. Испуганные птицы с криком взмыли в небо, а на глубоких сугробах остались вдавленные следы исполинских лап.

Полуоборотни, разумеется, не могли тягаться в скорости со зверями-охотниками. Они неторопливо плелись следом по утоптанной тропе, внимательно всматриваясь в деревья и торчащие из-под снега стебли. Завидев плодоносное дерево, они принялись разгребать сугробы в надежде наткнуться на падалицу.

Линь Ло повесил мешок через плечо и, вооружившись крепкой веткой, усердно разрывал снег всякий раз, когда Сяо Шу указывал на нужный ствол. Вскоре им улыбнулась удача: из-под наста удалось извлечь с полдюжины плодов размером с кулак. Кожица у них была бугристой, со следами птичьих клювов.

Убрав пару плодов в суму, Линь Ло оглядел разбредшихся по тайге сородичей и спросил:

— Здесь в основном такие деревья растут?

— Ага, — кивнул Сяо Шу, запихивая свою добычу и с восхищением разглядывая румяные щёки Линь Ло. — Плоды зовут «Сладкое сердце». Пока они висят на ветках, рот от вязости сводит, а вот как опадут да в снегу полежат — становятся сладкими-сладкими. Правда, едят их только полуоборотни, оборотни к ним даже не притрагиваются.

В разгар лютой зимы привалившая находка казалась уже немалым богатством. Присмотрев неподалёку дерево подлиннее, Линь Ло вместе с приятелем направился к нему и снова принялся ковырять снежную корку. Внезапно его взгляд зацепился за сухой, разлапистый стебель. Подняв плеть, Линь Ло присмотрелся — и сердце его ускоренно забилося.

Сяо Шу пригнулся ближе:

— Ло, ветка же засохла! Пересохшая, несъедобная.

— Сам стебель я есть не собираюсь. Мне интересно, нет ли под ним клубней.

В детстве Линь Ло проводил лето у бабушки с дедушкой в деревне и прекрасно знал это растение. Если его догадка верна, сегодня их ждёт настоящий пир!

Опустившись на корточки, он принялся яростно разгребать замёрзшую землю. Сяо Шу,

удивлённый таким рвением и опасаясь, что чужак сдерёт нежные ногти, тут же приспел на помощь. Вскоре под высохшей плетью показался рыхлый слой грунта, а за ним — округлый, слегка приплюснутый бок. Линь Ло обеими руками выудил находку на свет.

— Это... земляной ком, что ли? — Сяо Шу скептически насупился, разглядывая измазанный грязью клубень.

Линь Ло сгреб пригоршню снега и тщательно оттер грязь, обнажая желтоватую гладкую кожу.

— Вовсе не ком. В моём племени это называют картофелем или картошкой. Они долго хранятся и отлично утоляют голод.

— И это правда съедобно?!

— Ещё как! Давай намоем да накопаем немного, а вечером я приготовлю. Если понравится, завтра вернёмся за остальным.

Сяо Шу отродясь не видывал подобной яствы и сомневался, можно ли употреблять в пищу то, что вытащено из грязи, но поверил Линь Ло на слово. Вдвоём они принялись вовсю орудовать руками. Вскоре на снегу выросла внушительная горка клубней, а куст всё не иссякал. Сяо Шу ошарашенно почесал затылок:

— Ого... Откуда их столько?! Чтобы одна кустистая плеть дала столько добра?!

Линь Ло и сам поразился небывалой урожайности: каждый клубень тянул килограмма на полтора-два! Из одного гнезда они вытащили уже больше десятка штук, а куст был разрыт едва ли наполовину. Присыпав ямку землёй и нанеся заметную засечку на стволе соседнего дерева, они набили сумы доверху и отправились на стоянку.

В укрытии А-Да как раз пробивала каменным резцом отверстия в шкуре, мастера нехитрую одежду. Завидев возвращающихся парней с набитыми до отказа мешками, она спешно подскочила и сняла груз с плеч Линь Ло:

— Набрали столько плодов? Тяжесть-то какая!

Линь Ло, покрытый потом, с пылающими румянцем щеками, с облегчением разомнул затекшее плечо:

— Это не «сладкое сердце». Это картошка — в моём родном племени её очень любили.

Сяо Шу даже не запыхался — ноша, от которой падал без сил Линь Ло, для полуоборотня

казалась пушинкой. Сбросив суму, он с восторгом защебетал:

— Мама, ты не представляешь, сколько там картошки! Всего три-четыре плети, мы и половину не выкопали, а уже столько набрали!

В зимнее лихолетье, когда зверья в лесах убавилось, а охота превратилась в суровое испытание, любые вести о пропитании казались спасением. А-Да торопливо развязала мешок. Увидев крупные, размером с ладонь, клубни, она с надеждой воззрилась на Линь Ло:

— И как это готовить?

— Можно запечь прямо в углях — счищаешь кожуру и ешь. Можно сварить и макать в солёную воду, а можно обжарить.

Семья А-Да считалась по меркам племени вполне зажиточной, но и их запасы исчерпывались семью-восемью кусками вяленого мяса. Домочадцы ели раз в день, ужимая животы. Нынче утром, желая придать сил уходящим на промысел Чану и Юну, А-Да щедро потратила сразу четыре куса. Мужчины сытно позавтракали, а самой А-Да, Сяо Шу и Линь Ло достался лишь жидкий бульон да вяжущие, горьковатые корешки. Женщина с тревогой думала о том, вернётся ли охотничий отряд с добычей, и теперь, услышав о новом кушанье, без промедления бросила несколько клубней в костёр:

— Так сойдёт?

— В самый раз, — кивнул Линь Ло. — Попозже ткнём палочкой: если станут мягкими — значит, готовы.

От копания в снегу Линь Ло вспотел, и влажная одежда неприятно липла к телу под шкурами. Снять их в холодном укрытии он не рисковал — лишь слегка отпахнул отворот, чтобы пустить немного свежего воздуха. Они уселись у очага, дожидаясь, пока испечётся угощение.

Когда в очаг подкинули вторую охапку сухостоя, Сяо Шу потянул носом:

— Мама! Ло! Чуете?

— Ага, — кивнула А-Да.

Линь Ло, так ничего и не уловивший своим не столь чутким человеческим обонянием, взял ветку Железного дерева и стал разгребать угли:

— Давайте проверим. Если испеклись — сразу и попробуем.

Выкатив из углей обугленные чёрные шары, Линь Ло постучал по ним палочкой. Убедившись, что они поддаются, он подхватил клубни широкими сухими листьями и сдул пепел. Стоило разломить обугленную корку, как наружу показалась золотистая, рассыпчатая мякоть.

— Как пахнет! — в один голос воскликнули Сяо Шу и А-Да, чьё обоняние превосходило человеческое во сто крат.

— Готовы... — Линь Ло откусил кусочек.

Вкус оказался куда насыщеннее и сладковатее, чем у знакомой картошки из его прежнего мира. Впечатлённый, он улыбнулся:

— Настоящее объедение! А-Да, Сяо Шу, пробуйте скорей!

Убедившись, что угощение не ядовито, А-Да и Сяо Шу подхватили клубни, сдули золу и принялись за еду. С первого же укуса их глаза вспыхнули от изумления.

— До чего вкусно! Куда лучше «Сладкого сердца»! — заговорил Сяо Шу с набитым ртом.

Плоды «Сладкого сердца» были приторными и холодными, их приходилось грызть прямо из-под снега. А горячая, тающая во рту картошка с насыщенным вкусом идеально подходила сдержанному аппетиту полуоборотня.

Сяо Шу пододвинулся ближе к Линь Ло:

— Пойдём ещё накопаем! Вечером опять напечём!

— Верно, — поддержала А-Да. — Я пойду с вами. Наберём побольше: картошка не такая приторная, так что Чан и Юн тоже смогут перекусить.

Линь Ло не ожидал от них такой прыти. Ещё недавно они собирались отложить всё на завтра, а теперь рвались в лес прямо сейчас. Впрочем, их порыв был понятен: в мире, где царил вечный голод, даже горсть еды дарила надежду дожить до весны. С голодом не шутят.

Сяо Шу и А-Да мгновенно уплели свои полуторакилограммовые клубни, а Линь Ло осилил едва ли треть. Завернув остаток в листья, он отложил его подальше от пламени, надел мешок и приготовился к выходу.

А-Да окинула его озабоченным взглядом. Примерив тощую талию юноши — тонкую, точно стебелёк, — и его невысокий рост, еле достававший ей до плеча, она вздохнула:

— Ло, тебе надо больше есть, иначе заболеть недолго.

— Кхм... — Линь Ло смущённо прикрыл рот. — Я правда сыт, больше не влезает.

— И что с тобой делать? Ты ешь меньше, чем Сяо Шу в младенчестве! Запомни: тебе непременно нужен сильный, могучий оборотень, который сможет тебя защитить.

Линь Ло мысленно поперхнулся. Вспомнив местных оборотней — двух с половиной метров ростом, а то и выше, в зависимости от размера их звериной формы, — он с трудом подавил дрожь. Со своими ста семьюдесятью восемью сантиметрами рядом с ними он смотрелся бы как фарфоровая куколка. Да с такой разницей в габаритах любой союз станет смертельным!

Чтобы замять неловкую тему, Линь Ло поспешно ткнул пальцем в сторону поляны:

— А-Да, нам туда! Бежим быстрее!

Он устремился вперёд. А-Да смотрела ему вслед с материнской нежностью: юноша с белоснежной кожей и развевающимися на ветру волосами казался ей невероятно трогательным и хрупким.

Добравшись до заветной поляны, А-Да и Сяо Шу принялись рыть землю, а Линь Ло укладывал клубни в мешки. Когда прежняя яма опустела, они расчистили соседний участок и под новым засохшим стеблем снова обнаружили россыпь картофеля...

Под вечер, когда сумерки начали сгущаться над тайгой, из чащи донёсся раскатистый рёв — возвращался охотничий отряд.

Рядом с землекопами высилась целая гора клубней. А-Да с довольной улыбкой всматривалась в приближающихся воинов. Завидев Чана и Юна — измазанных кровью, но невредимых, с тушами добычи на широких спинах, — она радостно замахала руками:

— Чан! Юн! Мы здесь!

Чан, возглавлявший колонну, ответил утвердительным рыком, дав понять, что не станет сворачивать с тропы, и велел им возвращаться на стоянку.

Зато молодой Юн подбежал к родителям и ласково уткнулся окровавленным носом в руку матери.

А-Да погладила сына по густой шерсти и с гордостью указала на добычу:

— Это Ло нашёл! Если запечь в углях — пальчики оближешь. Дома обязательно угостим вас с отцом.

Увидев растительные клубни, Юн не проявил особого восторга. Сила оборотней питалась мясом и свежей кровью, а от травы да плодов войны лишь слабели. Впрочем, еда оставалась едой, и парень не стал воротить нос. Он помог набить сумы и ловко подхватил тяжеленный груз хвостом, забрасывая себе на спину.

Один за другим гигантские звери шествовали сквозь зимний лес. Густой запах крови, подстреленная дичь — где ещё дышащая, где застывшая навек, — и пасмурное серое небо создавали суровую, величественную картину первобытного бытия.

Встречать охотников высыпали все обитатели племени. Тех, кто вернулся невредимым, встречали радостными объятиями жён и детей. Но не обошлось без увечий и смертей: над погибшими тихо, безжизненно плакали родные. Каждый год охота уносила жизни, и племени приходилось платить эту суровую цену за выживание.

Для семьи Чана и Юна день выдался удачным: им достались три туши. Самая крупная лишь немного уступала в размерах самому Чану в зверином обличье, а меньшая весила не меньше тонны. Когда воины с грохотом сбросили добычу у входа в укрытие, земля содрогнулась.

<http://bllate.org/book/20115/1992900>